

Госпожа Жун опустила глаза и мысленно вздохнула: У-эр все-таки еще слишком мал и не умеет сдерживать порывы, такая поспешность выглядит нарочито.

Но порой именно детская непосредственность кажется самой искренней.

Господин Юй тут же изменился в лице. Он всегда знал, что характер у его третьего сына строптивый, но считал, что, пусть Юй Юй и избалован, в глубине души он все же добрый. Взгляд господина Юя скользнул по присутствующим в зале... Родственники тоже переглядывались с весьма красноречивым видом.

Старший сын преуспевал в торговле и отличался мягким, безупречным нравом; старшая дочь совершенствовалась в бессмертной секте, принося славу роду; даже младший сын рос послушным, милым и смышленным. И надо же было так случиться, чтобы его самый любимый третий сын заслужил репутацию жестокого тирана, истязającego слуг!

Жизнь слуги, конечно, ничего не стоила, но то, что Юй Юй истязал людей столь открыто, ни в какие ворота не лезло. Что подумают люди, если слухи расползутся? Те, кто и без того обожал перемывать людям кости, наверняка станут болтать, будто в поместье Юй нет никакого воспитания, а его самого, как отца, поднимут на смех...

Господин Юй больше всего на свете дорожил своей репутацией и, разумеется, не желал подобных пересудов.

— Идем!

Видя, как господин Юй размашистым шагом направился во внутренний двор, Юй У припустил следом за ним. В его глазах вспыхнул огонек восторга. Он спал и видел, как отец ворвется во двор третьего брата и своими глазами узрит полуживого слугу. Уж тогда-то...

Юй Юй и ведать не ведал, что за стенами его покоев его уже успели выставить в самом черном цвете.

Он только-только выбрался из постели и стоял посреди комнаты, ожидая, пока слуги его оденут. Наряды древних состояли из бесчисленных слоев, а все эти завязки и пуговицы рябили в глазах. Сонные веки слипались, и мальчик то и дело клевал носом, едва не падая вперед.

А ведь вчера был лишь его первый день в мире книги – да еще и в теле ребенка! Сначала он непонятно как свалился в воду, глубокой ночью под проливным дождем тащил на себе бесчувственного главного героя, улегся лишь под утро, а потом еще долго не мог уснуть на новом месте – ворочался под парчовым одеялом, пока наконец не провалился в тревожный сон... Впрочем, уснуть самому уже было победой. Он сыт был по горло прошлой жизнью, когда приходилось глотать снотворное горстями.

Не так давно заходил А-Цин и сообщил, что жар у главного героя спал. Хоть тот еще не пришел в себя, состояние его стабилизировалось. Юй Юй посчитал, что справился на отлично, и мысленно приколот себе на грудь воображаемую медаль.

В конце концов, если бы у того от лихорадки спеклись мозги, как бы он его спасал?

По словам А-Цина, на теле Янь Ваньчжоу живого места не было от ран, но самая страшная припала на ладонь – глубокий порез с вывернутыми краями, которые уже успели побелеть.

«Должно быть, его постоянно шпыняли», – подумал Юй Юй, и на душе у него сделалось паршиво.

Покуда он размышлял об этом, снаружи послышался торопливый топот множества ног.

— Молодой господин! Третий молодой господин! — Донесся со двора перепуганный голос А-Цина. — Господин идет сюда, и на нем лица нет!

Да уж, «лица нет» – мягко сказано, он был в бешенстве!

Юй Юй вздрогнул, сон с него как рукой сняло.

«Что за чертовщина?»

Едва Юй Юй переступил порог, до него долетел многоголосый шум.

— Господин, не гневайтесь, — ворковала госпожа Жун. — Даже если и случилась беда, я позже щедро одарю его родных, так что никто и слова против не скажет. В конце концов, Юй-эр – ваша плоть и кровь.

— Да, отец, не портите себе здоровье, — поддакнул Юй У. — Я впредь буду усерднее вразумлять третьего брата. А если подобное повторится... — он намеренно сделал паузу, — ...я костями лягу, но остановлю его!

— Повторится?! — Голос господина Юя резко взлетел. — Значит, это злодеяние совершается уже не впервые?!

На самом деле смерть какого-то слуги в поместье не была событием, ради которого стоило поднимать такой переполох.

Однако господин Юй прекрасно знал, как госпожа Жун баловала Юй Юя. За долгие годы вся усадьба успела натерпеться от капризов мальчишки, но господин Юй и представить не мог, что

тот зайдет так далеко. Похоже, он действительно слишком распустил своего третьего сына, раз тот возомнил, будто ему закон не писан.

— Недопустимо! Несите плеть!

Нужно проучить его как следует!

Юй Юй прищурился. Посреди двора стоял багровый от ярости господин Юй, госпожа Жун прижимала к лицу платок, утирая несуществующие слезы, а Юй У прятался за спиной отца, бросая на брата невинные взгляды.

При виде этой картины у Юй Юя екнуло сердце. Не то чтобы он испугался – просто впервые столкнулся со своим названным родителем, да еще и угодил в классическую мыльную оперу с семейными интригами. Ему требовалось немного времени, чтобы настроиться на нужный лад.

«Погодите-ка, неужели под загубленной жизнью они имеют в виду...»

«... главного героя, Янь Ваньчжоу?»

У Юй Юя дернулся уголок рта. Как же быстро разносятся слухи. В поместье Юй и впрямь не утаишь и шила в мешке – за каждым шагом прежнего владельца тела следили в оба глаза.

Он не спеша двинулся вперед, лихорадочно соображая на ходу и мысленно аплодируя актерскому мастерству мачехи и брата.

Госпожа Жун притворялась заступницей, а сама подливала масла в огонь; Юй У якобы молил о пощаде, но на деле лишь разжигал гнев отца. Они разыграли этот спектакль как по нотам. Ирония судьбы: им даже не потребовались доказательства, чтобы безапелляционно заявить, будто Янь Ваньчжоу уже замучен до смерти.

А господин Юй поверил им без единого сомнения.

— Мерзавец! Живо на колени! — рывкнул господин Юй, со свистом рассекая воздух плетью. Ему казалось, раз Юй Юй плетется так неторопливо, совершив проступок, значит, точно чувствует за собой вину.

Юй Юй только приоткрыл рот, чтобы ответить, как госпожа Жун чрезвычайно «вовремя» бросилась к нему и крепко сжала в объятиях.

Юй Юй: «??»

В следующую секунду госпожа Жун завопила:

— Господин, умоляю, не надо!

На словах она исходила скорбью, но при этом незаметно, изо всех сил пихнула мальчика вперед, под удар.

Получить плетью по лицу Юй Юй не желал, а потому якобы неловко пошатнулся и отступил на полшага назад, «случайно» наступив на подол платья мачехи. Раздался громкий треск рвущейся ткани...

— Ой?

Подол лопнул по шву. На ухоженном лице госпожи Жун на миг проступила свирепая гримаса – это же было ее любимое шелковое платье!

Во дворе воцарился хаос, отчего господин Юй рассвирепел еще сильнее. Но стоило ему замахнуться и сделать шаг к сыну, как чья-то фигура стрелой вылетела вперед, заслоняя мальчика своим телом.

Это был А-Цин.

А-Цин рухнул на колени. Он сам дрожал от страха, но все равно взмолился:

— Господин, смените гнев на милость! Молодой господин слаб здоровьем, он не вынесет...

«Славный А-Цин, ты и вправду переживаешь за меня», – Юй Юй почувствовал легкий укол признательности. Слуга хоть и отличался слепой преданностью, но защищал хозяина искренне.

— Прочь! — прикрикнул на него господин Юй.

— Ох! — А-Цин неуклюже поднялся с колен, но упрямо попытался снова заступить дорогу.

Ослепленный яростью отец со свистом опустил плетень, и А-Цин истошно вскрикнул.

— А-а-а!

Юй Юй вовсе не хотел смотреть, как избивают слугу, но все развернулось слишком быстро, он даже опомниться не успел. Опомившись, он мягко оттолкнул А-Цина назад и, вздернув подбородок, спросил:

— Отец, почему вы так разгневаны?

Детский голосок звучал тонко, но на удивление твердо, в нем не было ни капли робости или вины.

Господин Юй на секунду опешил:

— Ты еще смеешь спрашивать?!

— Сын узнал, что отец возвращается сегодня в поместье, — заговорил Юй Юй, — ...и очень хотел встретить вас на рассвете. Но вчера я сильно замерз... и сегодня чувствовал слабость, оттого и проспал дольше обычного. Неужто отец сердится на меня лишь за то, что я поздно встал? — Договорив, он слегка покашлял. Лицо его казалось болезненно бледным.

Его взгляд был чист и невинен, без единого намека на ложь. Господин Юй замялся, не зная, что на это возразить.

Заметив это, госпожа Жун едва заметно дернула уголком рта, пряча досаду за платком. Когда только этот щенок успел научиться давить на жалость? Впрочем, рассудила она, пусть Юй Юй и вел себя со слугами как тиран, перед отцом и старшей сестрой он всегда прикидывался паинькой, так что в его поведении не было ничего удивительного.

Тут Юй У внезапно спросил:

— Третий брат, а куда подевался тот слуга, которого ты приволок к себе посреди ночи?

— А откуда четвертый брат знает, что кто-то находится в моем дворе? — в свою очередь поинтересовался Юй Юй. — Вчера ночью ты ко мне в гости вроде бы не заходил.

— Я... я просто случайно увидел, — в голосе Юй У промелькнуло замешательство. — Услышал, что третий брат упал в воду, заволновался и решил проведать.

Будучи еще ребенком, он ужасно боялся упасть в глазах господина Юя, а потому принялся на ходу сочинять оправдания.

— Вот как? — Юй Юй наклонил голову набок, разыгрывая искреннее недоумение. — Значит, четвертый брат так сильно обо мне печется? Но почему же ты не пришел днем? Или вечером? А дожидался самой глухой ночи?

Юй У густо покраснел, не зная, что ответить. Видя это, госпожа Жун поспешила вмешаться:

— Юй-эр, твой брат желал тебе только добра. Расскажи тете Жун, что стряслось с тем слугой? Даже если случилась беда – не бойся, мы с твоим отцом во всем разберемся и защитим тебя.

Этими речами она словно заранее выносила Янь Ваньчжоу смертный приговор, ничуть не сомневаясь в его кончине.

Юй Юй про себя усмехнулся. Теперь он окончательно разглядел фальшь за маской «доброй мачехи». Она всей душой желала, чтобы с Янь Ваньчжоу стряслось непоправимое, а сам Юй Юй по уши увяз в неприятностях.

Внезапно со стороны бокового флигеля донеслись крики и шум.

Все обернулись. К ним, спотыкаясь, бежали несколько слуг. Лица их были блее полотна – казалось, они увидели выходца с того света.

— Беда! Беда! — Бежавший впереди слуга без сил рухнул на землю. Голос его дрожал от ужаса. — Господин, госпожа! Там... там мертвец восстал!

— Что?!

Плеть со стуком выпала из рук онемевшего господина Юя.

<http://bllate.org/book/21541/2215391>